

Игорь Шестков "Шанель номер пять"

Вылетел из Шенефельда. Как будто из серой глубины поднялся, наконец, на поверхность моря. Тут царствует холодное Солнце. Плазма-голубизна. Нет земли, а есть только пустота пространства, сияние вечного дня и облачная вата. Весь полет проболтал с двумя соседями. Импозантный торговый еврей из Одессы не мог остановиться, когда начинал говорить. А начинал он всегда так: «На это я вам вот что скажу...» И говорил, говорил. Сравнивал Сингапур с Шанхаем. Одессу с Киевом. Вращал коричневыми масляными зрачками. Улыбался застенчиво. Я его слушал, не прерывал – за его любезность и доброжелательность, редкую для бывшего советского человека.

Все речи среднего еврея это или замаскированная или открытая похвала самому себе. Или я несправедлив к евреям и человеческая речь вообще есть феномен самовосхваления, самоутверждения тленного тела, духа, слова в «глухонемой вселенной»?

Второй еврей был молодой, лысый, симпатичный. Убежденный киевлянин. Рассказывал о том, сколько нас вернулось из Израиля. Раньше модно было уезжать. Теперь – возвращаться.

«Я уехал и квартиру на Подоле продал за десять тысяч, а теперь я приехал и хочу квартиру свою назад. Покупаю. Я плачу за нее двадцать тысяч. И живу. И все довольны. А цены на недвижимость растут», – восклицал он восторженно-печально. «А на это я вам вот что скажу...» – откликнулся первый еврей и говорил двадцать минут без пауз, похлопывая меня по плечу, заглядывая в глаза и застенчиво улыбаясь...

Первое впечатление от ноябрьской Москвы – холод, вонь и грязь. Вонь от выхлопных газов и всеобщая безобразная грязища. Вонь и грязь явно доминируют и в сознании московских обитателей. На улицах суета, грубость, хамство. Высокомерие сильных – богачей, чиновников и их многочисленных холуев – шоферов, охранников.... Злоба и отчаянье бедных и слабых. Тупое смирение. Есть и милые, родные, прекрасные лица. Этих жалко. В какую еще передрыгу втравит их сумасшедшая Родина?

Встретил в троллейбусе таджика из Душанбе, перешедшего в православие. Внешний вид – террорист. Бородища. Верит в Христа с той же убежденностью и фанатизмом, что и его братья мусульмане в Магомета. Выражение лица как у Спаса в силах. У, бля, зашибу! Попляшете вы все у меня на раскаленной сковородке! И вечный траур.

Таджик сказал: «Не слушай никого, только свое сердце!»

Чтобы бы было со мной, если бы я жил по этой заповеди? Ничего бы не было. Я так и живу. Мое сердце молчит.

Звонил первой жене. Минут сорок болтали. Все, вроде, было хорошо. Но вот ведь странность. Расстались мы двадцать пять лет назад. Многие за это время пережили. Но по отношению друг к другу остались прежними. Соперниками. Кидаемся друг на друга как петухи. И клюем, клюем...

Люди действуют, говорят, даже чувствуют – по каким-то навязанным им жизнью схемам. Свою первую жену я люблю до сих пор. Но никогда не признаюсь ей в этом. Написать могу, а подумать – страшно. Получается, что я – не «я». Вместо меня говорит кто-то другой. И живет. Кто?

И так во всем. Самих себя мы не понимаем. Проживаем чужую жизнь. Гоняемся за призраками...

Был у Даниловского монастыря. Видел новообретенные мощи. Новые иконы, написанные по канонам средневековья. А иногда и в пошло-реалистической манере. Современное православие – старушечье суеверие. Действует только на кликуш и на несчастных, тоскующих по небесному хлыстовству, интеллигентов. Во дворе монастыря казаки какие-то разгуливают самопровозглашенные. Хорошо еще без шашек и газырей. В самодельных папах. Киргуду и бамбарбия.

Посетил подругу жены Соломинку. Перенесенное страдание (раковая операция) пошло ей на пользу. Говорила о других людях почти без злобы. Соломинка истово верует, но при этом отдает дань и социологическим, исключаящим влияние небесных сил, теориям.

«Элиты распоясались. Показывают сейчас всему миру, кто в доме хозяин.

Кончится это плохо. Глобальным катаклизмом на шарике».

Кончается все всегда плохо. Соломинка женщина пророческая. Как многие другие жители Совка, она проектирует свою неудавшуюся жизнь на мировую историю.

Из монастыря поехал на трамвае к Павелецкому вокзалу. В трамвае сидело несколько пьяных, багровых, страшных людей. Пять остановок ехал сорок минут. Пробки. Замарал пальто.

Безуспешно пытался зарегистрировать мой немецкий паспорт. В приглашении написано ясно – прибыть в трехдневный срок на приглашающую фирму и зарегистрироваться. Адрес фирмы: Новинский бульвар, дом один. Приехал. Неприятно поразило – не было там дома номер один, а был – один, дробь два. Захожу в туристическое бюро.

«Простите, где тут фирма Бизнес интернешинел?»

«Понятия не имею».

«А где дом один, без дроби?»

«Понятия не имею».

Захожу в бюро переводов. Спрашиваю про фирму.

«Не знаем мы! Ходят тут, ходят целый день. Фирмы всякие ищут, спрашивают, работать не дают. А мы вообще не на Новинском...»

Спросил и у милиционера, стоящего перед входом в банк на проклятом Новинском бульваре.

«Не из Москвы я. Что тут, как тут – не знаю. Понаставили тут фирмов!»

Понимая, что жизнь абсурдна и страшна, если ожидать от нее какой-то логики, обошел все шестнадцать учреждений в доме один, дробь два. Ни один человек мне ничего внятного не сказал, ни один не скрыл раздражения. Ни один не помог. Поехал домой, на Ломоносовский. Позвонил в проклятую фирму.

Оказалось, у них принтер старый, иногда не пропечатывает цифры. Настоящий адрес – Новинский 11.

На следующий день поперся снова. После получасовых блужданий нашел искомое бюро. Вся фирма – три человека. Любезная девушка объяснила мне, что, согласно новым правилам регистрации, я должен идти в милицию по месту

временного пребывания. Подать там заявление от имени принимающего меня на частной квартире лица. Завизировав заявление, ехать в ОВИР и получить там регистрационный бон. Я обозлился.

Спросил: «А нельзя ли без ОВИРа, без милиции и без частного лица. Лицо это живет в сейчас в Италии и участвовать в столь важной для Российской Федерации процедуре, как регистрация прибывшего в Москву на шесть дней иностранного гражданина, никак не может».

Глубоко вздохнув, девушка произнесла: «Ну тогда мы сами все сделаем, зарегистрируем вас так, как будто вы в гостинице живете. С вас 1500 рублей».

Знакомая картина – туфта, обман и обдираловка. Отдал ей деньги.

«Приезжайте завтра!»

Не отпускает меня Новинский бульвар.

Решил пройтись по Новому Арбату. Натолкнулся на суровую тетю, вещающую голосом диктора Левитана: «Вот вы все мимо идете и не знаете, что в этом здании, в подвале, публичный дом. Там содержатся восемьдесят девушек на положении заложниц. Над ними издеваются новые русские и заграничные богатеи. Слушайте, слушайте правду! Преступный капиталистический режим олигархов и служащей им продажной путинской власти превратил наш народ в сборище алчущих денег скотов. Без чести, без совести. В преступную банду кретинов, насильников и эксплуататоров. Все идет на продажу. Родители продают своих детей за границу. Там их насилюют и убивают...»

Ушел поскорее от тети.

Зашел в Дом книги. Цены кусачие. Персонал не обучен. Девушки в униформах скучают. Компьютер не знает, есть книга в продаже или нет. Поражала широта репертуара. Кому было выгодно нас всего этого лишать? А сейчас поздно.

Другое время. Хорошая книга никому не нужна. Нужно развлечение.

Купил русский орфографический словарь. Когда платил, кассирша заметила горько: «Как у вас денег много! Тут работаешь, работаешь. С утра до вечера. Всю жизнь. И ничего не наработаешь! А они, вишь, приходят, у них денег – полный рукав».

Я разозлился.

Сказал ей: «Тут у вас веревки крепкие, добрые. Привяжите к люстре и удавитесь!»

Кассирша злобно глянула в мою сторону, искривила лицо, а потом вдруг заплакала. Тяжело и жутко. Опять я виноват. Кассиршу обидел.

Поймал машину. Шофер выглядел как этнический кавказец.

«Вы грузин или армянин?»

«Пополам, оба».

«Значит, исходя из современной политики российского государства, надо одну вашу половину выслать в Тифлис, а вторую в Ереван».

Шофер рассмеялся и рассказал: «Я закончил в семьдесят пятом геолого-разведочный. По распределению поехал в Сургут. Там до сих пор живу. Там дети. Там мой дом. Меня в Москву послали от фирмы. Зарабатываю всего пятьсот баксов. А тут однокомнатную квартиру снять – пятьсот стоит. Вот и ишачу. Да еще и гонения на грузин начались. Вы скажите, чего он к нам привязался? Гэбэшник. Зачем оскорбил народ? Три раза меня останавливали, документы проверяли. Один раз, ни слова не говоря, в милицию отвезли и побили. Все деньги взяли, пятнадцать тысяч рублей, и выпроводили. Сказали, побежишь жаловаться, узнаем, найдем и все кости переломаем. А нам за это ничего не будет. Мы для них не люди. Они нас так и называют – звери! В Сургуте лучше».

Приехал домой. Включил телевизор. Показывали какие-то драки между солдатами. Диктор говорил сурово-ласково: «Во время смотра солдаты выказали патриотизм, стойкость, готовность поразить врага в любой точке мира. Поэтому и называют наш спецназ – лучшим в мире!»

Вот идиоты! Какими были, такими и остались. Все патриотизм выказывают. Сами себе мозги промывают. Это русским государственным людям также привычно как уткам и лебедям перья чистить.

Был сегодня на Старом Арбате. Холодно. Минус три, влажность сто процентов и ветер дует. Спасибо английскому пальто – защитило от стужи. Не выдержал,

зашел в сувенирную лавку и купил палехскую шкатулку за пять тысяч рублей. Ничего с собой поделать не могу – каждый раз шкатулки покупаю. Дарю потом людям, которые их не ценят и не понимают. А эту красавицу шкатулку себе оставляю.

Рождество. Письмо чистое. Краски нежные. Бриллиант. На черном лаковом фоне горки иконные желтые, охряные и зеленые. В них – «пещеры». На заднем плане русский конфетный город. Дерево оливковое, пышное. Два ангела золотокрылых перед запеленутым младенцем преклоняются. За люлькой телец с телицей, царство животное пришло поклониться младенцу. Богородица в красном лежит, на три расцветших цветка смотрит. Три цветка – Троица, рождением младенца полноту обретшая. Иосиф – могучий как Илья Муромец – смиренно рядом сидит.

Вот она, русская идея, на ладони умещается. Светится вся, переливается. Черный фон это русская угольная жизнь. В ней чернота беспросветная, беспримесная. Жирная. Из нее цветной кристалл рождается, сказочный вертеп. Святая плазма на антраците сублимирует. Сладостный мир. Умиленность. Картиночка. Для сердца и для глаз отрада.

От Арбата к Манежу пошел. Вот тебе и на! Уже новый выстроили. Быстро. Два года назад только обгорелые стены стояли. А внутри, в подвале – Дом фотографии. Пиршество. Подземная галерея, зал размером с футбольное поле. Нашел там фотографии Мохорева. Вот мастер. Как Вампилов – на совковом материале милых людей показывает. Эротика милосердная. Редкий дар. От фотографии – к картинам.

Парк культуры. Мост. Дом художника, огромный сарай для искусств. Тут много, много цветастых картин висит. Эти произведения бывших советских академиков ничего кроме раздражения не вызывают. Нет в них ни иконной силы, ни палехской нежности и упрямой декоративности. Нет в них и духа модерна. Так. Застряли люди в Совке. Даже не застряли, а сами себя туда поместили. Как рыбок в аквариум. И плавают там с Шишкиным и Куинджи. А об океане и не мечтают. Грустно и поучительно. У Палеха – мастерство. Мир этот, конечно, ремесленный, энтомологический, но честный. А у современных русских

айвазовских нет ни мастерства Айвазовского, ни пронзительности Саврасова, а только упрямство, серая мастеровитость, не осевшая муть оптической реальности, от которой они так и не смогли оторваться.

Был на пятидесятилетии Второй школы. Торжественный вечер в бывшем Дворце пионеров. Так себе представление. Потом в школе тусовались.

Какая радость старых друзей повидать! Из нашего класса было всего пять человек – Жек, Апоня, Аська, Мо и Ко... Жалко, что так мало. И учителя наши не приехали. Не было ни Германа, ни Фела, ни дяди Яши. На Шефа смотреть больно, так постарел, скукожился. Но все еще сдержан и галантен. Школьники этого больше всего в нем и боялись – сдержанности. Внутреннего спокойствия и достоинства. На этом фоне наши шалости и гадости особенно хорошо были видны. Внимательно слушал речи и выступления на вечере. Не концерт меня интересовал, а отношение «оставшихся» к современному политическому режиму в России. Быстро понял – его боятся. Как всегда на Руси царя и опричников боялись, так и сейчас. Формы – и режима и страха перед ним, конечно, изменились, мутировали, но суть осталась. Не страна, а репрессивная пирамида. Только из-за этого уехал бы и сейчас. Слишком часто эта пирамида превращалась в лезвие, которое резало по живому. Не понимаю оставшихся. Особенно тех, которые могут покинуть страну. Охота им это шизофреническое пойло хлебать?

Смотрел новости. О ракетно-бомбовых ударах в Чечне рассказывают без стеснения, как будто это не Россия, а Гондурас и умирают там не граждане России, а зулусы японские.

Плохо то, что россияне привыкли к запаху смерти, коктейлю из казенных сапогов и выхлопных газов.

Сложите вместе отчаянье обнищавшего пенсионера, ужас обывателя, постоянно нарушающего закон, чтобы хоть сколько-нибудь заработать, и радость неправедно разбогатевшего нувориша. Добавьте к этому тухлую красную рыбу, гнилые пельмени, хамство и грязь в общественном транспорте, антисанитарию в магазинах, бычьи глаза всяческих охранников, омоновцев, полуразрушенные дома, астрономические цены на жилье, запах кошачьей мочи в подъездах,

лживое высокомерное телевидение – и вы получите московскую жизнь.

Бывший друг заявил мне, что мое отношение к Москве это только рефлексии ослабевшего интеллектуала. Нет у меня рефлексий! Только констатации.

Ослабел, действительно, мой кишечник в борьбе с красной рыбой и пельменями. Два дня лопал, лопал. Потом догадался, что рыбка-то, с душком, а пельмени нечисто сделаны.

И нос мой тоже ослабел от постоянного обоняния выхлопных газов. На шестом этаже шикарного дома на Ломоносовском проспекте нельзя было форточку открыть, так воняло. И вот, что странно – цена многих квартир в сталинских домах подбирается к полумиллиону долларов, а подъезды в них грязные и вонючие, зачастую и сами квартиры выглядят как трущобы.

Меня спросили – где это ты ощутил «имперскую вонь»?

Я ответил – вы, господа, ко многому так привыкли, что и не замечаете вовсе, где и как живете. Вся Москва – скопление имперской вони. Посмотрите, как в ворота Кремля въезжают лимузины сатрапов, как разгоняют менты пеший народ и перекрывают дороги, отчего обычные люди должны стоять в бесконечных пробках. Улицы, стены, полы, потолки – грязные, обшарпанные. В метро душно, там воняет потом и перегаром. Владельцы не по чину шикарных мерседесов и бмв наглы и высокомерны. Про откаты, криминальное обналичивание я уже и не говорю. Про свирепствующий СПИД и тотальную наркоманию тоже. А тут еще и политические убийства начались, одно другого страшнее и гнуснее. Женщину убили красивую. И бесстрашную. Критика режима отравили в Лондоне. Это все и есть «имперская вонь». Смеются. Дурак мол, что с него взять?

Долго говорил с бывшим другом. Умный парень. Три часа хвалил новую Москву и самого себя. Он и профессор и гениальный писатель и успешный бизнесмен. По всему миру ездит. Хочет купить остров в тропиках. Путинским режимом доволен. Я ему посоветовал купить островок рядом с Соловками – не далеко ехать будет...

К хвастовству я отношусь спокойно и успехи друга меня радуют. В его речи проскальзывало, однако, что-то особенное, наше, русское – желание пусть косвенно, мягко, но смешать собеседника с грязью, дискредитировать его

жизненную позицию. Ну что же, я ведь и сам такой. Я не отвечал, помалкивал, потому что хотел понять. Но так и не понял. Как можно быть довольным Путиным? От одной его злобной физиономии вытошнить можно. А моему другу он нравится.

Был в Кремле. На входе проверка. Все металлическое – клади на стол и шагай сквозь магнитную арку. А внутри крепостных стен иди только по дозволенной полосе. Шаг в сторону – свисток и окрик милиционера. Лагерь. Политическая структура России оставляет на всем свои отпечатки. Структурирует жизнь. Топай, где положено, а в политику не лезь.

Успенский собор. Снаружи – упрощенный до тривиальности собор святого Марка в Венеции, внутри – палехская шкатулка. Зато старые иконы это что-то настоящее. На них божественное находит материальное воплощение. Святой Георгий красный. Богородица на обороте. Проняло меня крепко. Насквозь. Странно, в Бога не верю, а пронимает. До оцепенения. Такое восхищение. Такая радость, что вот оно, чудо – смотрите, здесь, перед вами. Значит, есть еще не высохший источник в душе! Не все перегорело.

Вышел из собора на площадь и все прошло, фонтан живой воды бить перестал. Еще гаже показались лица туристов, еще злее рожи топтунов, охраняющих свою державную крысу.

«Человек это загадка» – справедливо заметил защищающийся от нападок, безденежный эпилептик Достоевский. Об этом я думал, когда ехал в Измайлово, покупать еще одну палехскую шкатулку.

«Зачем тебе еще одна шкатулка?» – спрашивал я себя. Тоскливо осознавая, что через десять минут приеду на дурацкий рынок сувениров. Буду искать шкатулку, найду и куплю. Увезу ее домой, а потом не буду знать, что с ней делать.

Подарить жалко. Не потому что жалко. А потому, что никто уже давно материальные предметы не ценит и не любит. Да еще – пятьсот туда, пятьсот обратно. Прав был огорченный писатель. Загадка. Спасибо еще, интересный шофер попался. Бывший военный. Воевал в Анголе, в Афганистане, в Чечне. Командир вертолетного звена. Вот, оказывается, для чего я в Измайлово еду. Чтобы по дороге одну историю проверить.

«Знаете, я тут недавно в Германии маленький рассказ опубликовал, про войну афганскую. Мне в восьмидесятых один ваш коллега рассказывал, как там наши солдаты женщин и детей огнеметами сжигали. Я только пересказал, что слышал. А мне говорят – преувеличение. Выходит, я на мою бывшую родину клепаю. Могло такое быть? Огнеметами?»

Шофер рассмеялся.

«Да запросто. Я, правда, огнеметом не работал, но ракетами мы деревни с жителями не раз сжигали. По инструкции – стрелять надо было с трехсот метров высоты. А мы с пятидесяти хреначили. Удобнее, видишь куда ракета попала, меньше вероятность, что тебе зад из автомата обжарят. После такой стрельбы все ветровое стекло у вертолета в крови. Обрывки кожи и глаза налипали. Как их внизу ракетами разнесет, так ошметки тебе прямо в рожу летят. И поди разбери, мирные это жители или душманы. Всех лупили. А глаза эти и кровь солдаты на базе водой из шлангов смывали. Каждый день. Часто попадались и детские глаза. А вы говорите – огнеметы».

Вот так всегда. Реальность еще хуже литературы.

Обратно ехал на такси с разговорчивым таксистом. Это был недалекий, курносый дядя с слезящимися глазами. Шестидесяти примерно лет. Говорил он всю дорогу от Измайлово до метро Университет. Я старался ему не мешать. Поощрял его вопросами.

«Да, масоны всем правят. С царских времен. Ведь тогда как было? Банкиры все евреи. Их деньги, их проценты. Но царского добра не трожь! Они царя ограбить не могли. Так революцию устроили, царя расстреляли. И вообще всем завладели. Вы думаете, Ленин кто? Бланк он. Жид. Троцкий – Бронштейн. И Горбачев и Ельцин тоже евреи. А Березовский и Гусинский сообразили – на власть стали тянуть. Ну им дали еще денег и из страны поперли. А Ходор, тот вообще президентом заделаться хотел. Его раз предупредили – не лезь, жидюга, в политику. Два предупредили. А потом, когда он уже улетать намылился – хватить за жопу. И посадили. Потому что, если вор – сиди и бабло пили, а на Путю не тяни.

Вы знаете, кто таксопарки разгромил? Лужков. Настоящая фамилия Кац.

Сколько домов понастроили. А дороги только для подъезда к рынкам. Строят, строят. Москва пухнет. Черных везде толпы гуляют. А транспорт стоит. Третье кольцо, зачем оно? Для торговых центров только! Ни такси ни скорая до места добраться не могут. Скоро все в небо полетит.

Я стою сейчас на точке. В Измайлове. Мафии деньги за нее плачу. А кто хозяин точки? Опять еврей. Мильчик, козел тот еще. Носатая харя. Ух, гадкий. А раньше так было – ты выезжаешь на рейс, плати диспетчерше двадцать копеек. Ты еще ничего не заработал, а уже – плати. Я был шляповозом. По Москве мотался. «Шляп» развозил. Шляпа, известно, больше двадцати копеек не даст на чай. Бывало иногда – целый день мотаешься, а привезешь пять рублей. И холостого пробега сто километров. Была тогда такая штука – две иголки вставляли умельцы в счетчик. За иголки тоже платили. Я учился только шесть классов, без образования. Всю жизнь шоферить хотел. В такси, чтобы. Люблю с пассажирами разговаривать. Один раз посадил я одну шляпу. В семидесятых годах было. То ли армян, то ли азер. Говорит, я тебе бутылку коньяку дам вместо денег. Я взял, интересно. Ну и че? Выпил на следующий день, с женой, братком и напарником Вовочкой. Жена кормила тогда сына моего младшего, Антошку. Он потом в пятнадцать лет разбился насмерть на мотоцикле. Она этот коньяк только пригубила, а я, браток мой Аркашка и сменщик выпили бутылку. И начало нас часа через три крутить. У жены менструация началась и две недели лило. У меня глаза чуть не вылезли. Аркашка блевал целый день, а сменщик мой, Володька, как бык здоровый, даже в больницу попал. Левую сторону у него парализовало. Вылечили. Только после рот у него дергался. Древесный спирт был в том коньячке. А сейчас люди вообще как черви от ядовитой водки дохнут. Льют в бутылки чего попало, этикетки фальшивые наклеивают. Известное дело. А евреи всем этим управляют. Из ложи. Есть такая всемирная ложа. В Иерусалиме. В храме ихнем собираются, в убежищах атомных. Понастроили там. И управляют оттуда. И Ходор там был. И Путин. А сменщик мой, Володька, тот с лестницы упал. Дома. Сломал ребра, большой палец и нос. А накануне мне сон про него приснился. Будто он один в комнате большой. Стоит просто. Я проснулся. А он мне звонит, Коля, говорит, приезжай скорей, я с лестницы упал, мне нос начисто снесло. Я к нему поехал, а по пути аварию сделал. Меня

сменщик без носа ждет. А я ментов дожидаясь, мне весь зад другое такси разбило. Так он потом без носа и жил. И рот у него дергался. Убили его в начале девяностых. Случайно. Разборка у бандитов была с ментами. Его и зацепили. Из автомата, кажись».

Как мне уезжать – естественно туман мертвый. Ни зги не видать. Шофер такси не видел светофоров. Я побаивался, таксист только смеялся. «Это разве туман? Это молоко, а бывает и сметана!»

Высадил меня во Внуково прямо в грязь. Я вылез, почистился, пошел на регистрацию. Зарегистрировался, прошел контроль. Перед посадкой зашел в беспощинный магазин. Оставалась у меня одна бумажка – тысяча рублей. Смотрю, – стоят на полке коробочки Шанели. Ага, думаю, вот подарок для дочек или жены. Сам в руки просится. И за шкатулки не стыдно будет. Шанель! Черная шаль, смуглая рука в браслете, шик! Купил, спрятал в сумку. Вышли на улицу. Туман еще гуще сделался. Зашли мы в длинный автобус. И простояли в нем полчаса. Никто нам ничего не сообщал. Водитель ушел куда-то. Туман. Никого из официальных лиц нет рядом. Что делать? Прошло еще полчаса. Немцы начали роптать. А русские ждали терпеливо. Им не в первой. Я думал: «Вот оно. Иные через повешение. Другие от старости. А я, стало быть, через туман».

Почему я на родине все время о смерти думаю? Да, толстый, холестерин, неврастеник. Трус. Но тут другое. Глубоко совковое. Не верит раб, что он свободен. Как животное, которое на волю отпускают. Клетка открыта, а зверь, сидит, бедный, сжавшись в комок, в грязном углу, трясется. Думает – побегу, тут-то меня и пристрелят. Охотники. Наблюдатели вечные. Они.

Ты уехал, стал гражданином свободной европейской страны. Горд как страус. Иностранец! Мечта идиота. А в душе – ты до сих пор не веришь, что родина тебя на свободу отпустила. Трепещешь и мести ждешь. Вот она месть – туман. Не отпустит тебя Москва. И не рыпайся. А не туман, так самолет. Поломка, взрыв. Пилот неграмотный. Арабы-террористы. КГБ. Кроты. Шпионы. Или усталые, небрежные лоцманы. Тухлая рыба. На худой конец – неосторожные курильщики в туалете.

Влезли, наконец, в наш аэробус. Пилот объявил, что задержка произошла не по его вине. «Нам не давали сесть. Заставили зачем-то кружиться над Москвой». Я успокоился. Пронесло на этот раз. Достал из сумки серебристую коробочку Шанели. Полюбоваться. Представил себе, как вручу её дочке. Любовался-любовался, но что-то мешало, а что – сам не знал. Тупой. Догадался. На коробочке было написано – «лосьон употреблять после бритья... Для сухой мужской кожи».